

10. Романько, А. В. Органы управления на оккупированной территории Белоруссии в 1941–1944 гг. / А. В. Романько // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 4. – С. 39–44.

11. Chiari, B. Alltag hinter der Front / B. Chiari. – Düsseldorf, 1998.

Е. А. ГРЕБЕНЬ (Минск)

НАСЕЛЕНИЕ, ЭВАКУИРОВАННОЕ ИЗ ОСТАВЛЯЕМЫХ НЕМЕЦКИМИ ВОЙСКАМИ РАЙОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1942–1944 гг.)

Рассматривая гражданское население как ценный военный трофей, немецкие оккупационные власти практиковали эвакуацию его из оставляемых Вермахтом районов. В документах оккупационной и коллаборационистской администрации данная категория граждан обозначалась как «беженцы», хотя добровольно покидали место жительства лица, лояльные оккупационному режиму, подавляющая часть граждан перемещались на запад в приказном порядке. Первые партии беженцев стали размещаться на территории Беларуси уже в 1942 г., когда в результате контрнаступления под Москвой Вермахт оставил значительные территории РСФСР и фронт на некоторое время вплотную приблизился к территории Беларуси. В 1944 г. в ходе отступления немецких войск практиковалась тактика выжженной земли в оставляемых районах, когда одной из приоритетных задач оккупационных властей стала эвакуация трудовых ресурсов, чтобы они не достались советской стороне и могли быть использованы на контролируемой немцами территории и в рейхе. Гражданское население эвакуировалось также из контролируемых партизанами районов во время карательных операций нацистов.

Перемещенные на запад граждане частично направлялись в Германию в качестве оstarбайтеров, но основная масса беженцев размещалась в контролируемых немцами районах Беларуси. В 1942–1943 гг. эвакуированные из западных областей РСФСР люди находились в восточных районах Беларуси, но в результате освобождения Красной Армией ряда этих районов передислоцировались оттуда на запад. Соответственно, практически весь период нацистской оккупации на территории Беларуси размещалось огромное количество гражданских лиц, сотрудники коллаборационистской администрации, члены пронацистских вооруженных формирований и их семьи.

На территории тыловой зоны группы армий «Центр» 23 марта 1943 г. был обнародован адресованный крестьянским общинным хозяйствам приказ германского Главного земельного управления, касавшийся размещения и обеспечения продовольствием населения, эвакуированного из зоны боевых действий. В приказе объяснялась причина отступления германской армии, которая якобы «из-за стратегических причин провела местами выправление фронта», что вызвало временную необходимость «очищения некоторых районов». Эвакуированное население распределялось по деревням в немецком

тылу и должно было находиться там до того момента, пока немцы, как они надеялись, не вернут оставленные районы. Обеспечение эвакуированного населения возлагалось на крестьянские общинные хозяйства. Предписывалось размещать эвакуированных в бывших колхозных постройках, имевших жилой вид, в иных случаях распределять по домам крестьян. Питание эвакуированные должны были получать из организованных общественных кухонь или от крестьян, в чьих домах они проживали. Поставляемые крестьянскими общинами для этих целей продукты могли зачисляться в военный сбор или оплачиваться деньгами либо премиями как за добровольно сданную продукцию сверх военного сбора при условии документального подтверждения поставок. Для облегчения обеспечения эвакуированных продуктами им также могла быть предоставлена земля и помощь со стороны общин семенами и вспашкой. Урожай с этих наделов засчитывался общине в качестве военного сбора, поэтому о выделении таких земель необходимо было сообщать районному земельному управлению до 31 мая текущего года. Общинным хозяйствам или отдельным крестьянам, уклонявшимся от исполнения данного приказа, обещалось наказание по законам военного времени [1, л. 56–56 об.]

Летом 1943 г. на территории Лепельского района Витебской области насчитывалось 446 беженцев в 8 из 13 волостей и 539 беженцев в Лепеле, всего 985 человек. На территории района проживали 1426 отпущенных из плена красноармейцев (1306 по волостям и 120 в Лепеле) [2, л. 126–127]. В конце 1943 г. в пяти общинах Москаленятской волости Городокского района Витебщины насчитывался 141 беженец в возрасте от 10 до 65 лет (немцы рассматривали людей в этих возрастных рамках как трудоспособное население), 131 человек старше 65 лет и дети до 10 лет [3, л. 71]. На территории волости расселялись беженцы из Невельского и Усвятского районов РСФСР, Меховского района БССР, которые начали прибывать еще в начале 1943 г. Количество беженцев в общинах постоянно менялось: кто-то выезжал далее на запад, постоянно прибывали новые партии [4, л. 1–9, 11–14]. По данным Глуцкого районного управления, на территории района в июле 1943 г. размещались 1500 беженцев [5, л. 547–548 об.] В г. Лунинец по состоянию на 16 марта 1944 г. насчитывалось 190 беженцев, занимавших 31 дом [6, л. 2]. Наплыв беженцев вызвал необходимость ввести в августе 1943 г. при Могилевском городском управлении должность уполномоченного по беженцам [7, л. 273].

К концу оккупации эвакуационные мероприятия приобретают все больший масштаб. На основании приказа бургомистра все гражданское население г. Орши было обязано явиться 10 декабря 1943 г. к 8:00 с вещами на Коммунальную улицу для эвакуации. Временно освобождались от эвакуации сотрудники городской и районной управы и их семьи, полицейские и их семьи, граждане, работавшие при воинских частях и имевшие специальное разрешение комендатуры, семьи, насчитывавшие в своем составе свыше 50 % нетрудоспособных (немцев интересовала в первую очередь эвакуация трудовых резервов). Перечисленные категории могли временно оставаться в городе вплоть

до особого распоряжения [8, л. 1]. Разработанный ранее жилотделом городской управы план переселения жителей Орши на запад предусматривал отправку ориентировочно 2000 человек в день при населении города около 25 800 человек. 5–7 декабря предполагалась отправка жителей Заднепровья (5000 человек), 8–10 декабря – населения между Днепром и рекой Оршица (5500 человек, 2-й и 3-й околотки), 11–13 декабря – жителей Центральной станции (5500 человек, 7, 8, 9-й околотки), 14–16 декабря – жителей Западной станции и 6-го околотка (500 человек), 17–19 декабря – 480 человек, проживавших между рекой Оршица и Восточным вокзалом (4-й и 5-й околотки) [9, л. 106].

Эвакуационные мероприятия вызвали тревожные ожидания среди гражданского населения. Бургомистр Могилева 25 сентября 1943 г. жаловался СД на действия группы отдела пропаганды, которая предложила сотрудникам городского театра выехать в Барановичи, после чего сотрудники театра стали наносить прощальные визиты своим знакомым, что, по мнению бургомистра, вызвало панику в городе. Эвакуация театра, определенно, вызвала резонанс среди горожан, которые понимали ее причины и адекватно оценивали положение немцев на фронте [10, л. 170].

Через территорию Беларуси следовали семьи бойцов РОА, восточных батальонов охраны SIWA (Sicherheitswache) из служб контрразведки и охранной полиции СД, а также команд вспомогательных рабочих при немецких воинских частях. Некоторые из них регистрировались в органах местной администрации, получали освободительные удостоверения и оставались в Беларуси, других эвакуировали далее на запад [11, л. 17]. К концу оккупации немцы стали эвакуировать проживавших на оккупированных территориях фольксдойче. В рассылаемых им извещениях указывалось, что они должны забрать с собой семью и движимое имущество [12, л. 1–7].

Редко кому из эвакуированных удавалось захватить какое-либо имущество, как правило, люди не имели самого необходимого, и, соответственно, приходилось их обеспечивать за счет довольно скудных запасов местных жителей. Транспортировка размещаемых в волостях беженцев осуществлялась силами волостных управ [13, л. 12]. Естественно, коллаборационистская администрация рассматривала их как обузу и стремилась, по возможности, избавиться от них, например, отправляя на работу в Германию. Немцы не проявляли большого интереса к судьбе беженцев (особенно, если речь шла о нетрудоспособных граждан), поручая их заботам местной администрации, которая имела очень ограниченные возможности по приему и обустройству этих людей. Их положение раскрывает донесение чиновника Бобруйского городского управления бургомистру по итогам обследования положения беженцев (январь 1943 г.) В документе отмечается, что в городе очень часто можно встретить большое количество одиноких беспризорных стариков и старух, калек, которые ютятся по чужим углам, вызывая раздражение, ругань и упреки со стороны местных жителей, к которым их подселили, и что «эти несчаст-

ные старики и старушки влчат жалкое существование». В донесении звучала мысль о необходимости создания для этих людей «минимально человеческих условий существования», например, организовав при лагере беженцев дом инвалидов [14, л. 7].

Предоставленные на новом месте жительства фактически сами себе, беженцы вынуждены были апеллировать к местной администрации и благотворительным организациям с просьбой о помощи. Например, в июне 1943 г. в Русский комитет взаимопомощи в Бресте обратился эвакуированный уроженец России, просивший оказать ему денежную помощь. Супруга просителя находилась на последних месяцах беременности, на работу он устроиться не мог. Руководство комитета распорядилось выделить ему помощь в размере 120 рублей, которая кардинально не могла изменить ситуацию [15, л. 108]. В Брестский окружной комитет взаимопомощи 29 сентября 1943 г. обратилась гражданка, эвакуированная из Орловской области (семья 8 душ, сама работала на железнодорожном ремонтном заводе), просившая выделить какие-нибудь вещи. Уроженец Гомельской области в декабре 1943 г. сообщил Брестскому комитету помощи, что ему приходится спать на полу [16, л. 144, 173]. На имя бургомистра Бобруйска 22 октября 1943 г. поступило заявление глухонемой гражданки, эвакуированной немецкой воинской частью из Гомеля и оставленной на жительство в Бобруйске без каких-либо средств к существованию. Бобруйское городское управление определило просительницу в дом инвалидов как нетрудоспособную [17, л. 24, 41].

В ситуации, когда заявлений о помощи поступало огромное количество, коллаборационистская администрация, Белорусская народная самопомощь (БНС) и другие комитеты взаимопомощи практиковали сбор средств среди местных жителей. Не имея достаточно средств для обеспечения беженцев и, естественно, не получая их от немцев, городское управление Бобруйска инициировало среди горожан сбор вещей в пользу беженцев. К 15 ноября 1943 г. было собрано несколько сотен единиц одежды и несколько пар обуви [17, л. 44, 45]. Инициированный Русским комитетом взаимопомощи в Бресте сбор средств в пользу эвакуированных из восточных областей нуждающихся граждан в декабре 1943 г. дал 17 360 рублей, которые пожертвовали 150 человек [15, л. 164, 166, 168–170].

Если эвакуация проходила планово и население о ней оповещалось заранее, некоторые граждане успевали взять с собой домашний скот. Однако во время долгого пути на запад он становился обузой (возникали проблемы с фуражом, уходом) либо возникала нужда в получении средств для покупки продовольствия, поэтому некоторые граждане продавали скот местным жителям, которые таким образом получали неожиданную возможность легального его приобретения. Например, 25 октября 1943 г. житель Горецкого района Могилевщины заключил договор с эвакуированным из деревни Троица Сафроновского района РСФСР гражданином, проживавшим в деревне Замошье Александрийской волости. Последний продал коня 12 лет за 10 пудов жита и 10 пудов ячменя.

Договор был завизирован старостой деревни и Александрийским волостным управлением, после чего начальник Шкловского района 21 июня 1944 г. санкционировал выдачу покупателю паспорта на лошадь [18, л. 1–1 об.]

В местах скопления беженцев часто вспыхивали эпидемии тифа. Огромные массы гражданского населения продолжительное время находились в антисанитарных условиях, без какой-либо медицинской помощи. В результате к моменту расселения их на новом месте многие оказывались носителями различных заболеваний, угрожавших перекинуться на местное население, поскольку беженцев, как правило, расселяли в домах крестьян. Барановичский областной комиссар 27 ноября 1943 г. направил клецкому районному врачу инструкцию по борьбе с сыпным тифом, в которой констатировалось наличие в округе массы беженцев, что с наступлением зимы создавало угрозу распространения сыпного тифа [19, л. 77]. Связь между ростом заболеваний тифом и очередным наплывом беженцев отмечал также койдановский районный врач в письме к волостным бургомистрам осенью 1943 г. [20, л. 18]. Оценивая санитарное состояние Бобруйска как неудовлетворительное, городской санитарный врач отмечал, что вспышка сыпного тифа наблюдалась в первую очередь среди эвакуированного из Смоленской области гражданского населения. Общежитие эвакуированных было подвергнуто карантину, заболевшие госпитализированы. Эвакуированные расценивались как главная угроза для здоровья местного населения, поэтому санитарный отдел дал указание бирже труда не отправлять их на работы в период карантина. Локализации эпидемических заболеваний также препятствовало отсутствие сыворотки против брюшного тифа и дифтерии, вакцины оспы для инъекций хотя бы новорожденным [21, л. 62].

Смертные случаи среди эвакуированных граждан, в том числе детей, были не редкими. Украинский комитет взаимопомощи в Лунинце 10 января 1944 г. обратился к Луинецкой волостной управе с просьбой выделить рабочих на кладбище для похорон 7-летнего ребенка из числа эвакуированных, умершего в больнице. С 4 по 22 января 1944 г. Комитет обратился с аналогичной просьбой о погребении еще пяти беженцев, умерших в больнице [22, л. 1–5]. Просьбы о погребении беженцев поступали также от БНС [23, л. 2–49].

В ходе эвакуации многие семьи оказались разделенными, и размещенные на новом месте граждане пытались разыскивать своих родных, подавая заявления в органы коллаборационистской администрации. Объявления о розыске граждан размещались в коллаборационистской прессе. Это касалось как гражданских лиц, так и участников пронацистских вооруженных формирований. Например, в Лепельской газете «Новый путь» публиковались объявления о розыске семей солдатами Русской освободительной народной армии Б. Каминского. Имеющим информацию о потерянных семьях предлагалось обращаться в редакцию газеты [24, л. 134]. Иногда поиски были успешными. Так, в результате опубликованного в газете «Новый путь» объявления о розыске родственников эвакуированных в Глусский район уроженок Смоленской об-

ласти было установлено, что разыскиваемые граждане размещены в деревне Кабановка Луковской волости Жлобинского района, о чем Осиповичское окружное управление сообщило заявительницам [25, л. 76, 77].

Гражданское население, массово перемещаемое из оставляемых Вермахтом районов на запад, в основном размещалось на остававшейся под контролем немцев территории Беларуси. Используя в интересах рейха трудоспособную часть эвакуированных, немецкие оккупационные власти не интересовались судьбой остальных, поручая их заботам коллаборационистской администрации, которая не имела необходимых ресурсов для обеспечения этих людей. Они испытывали колоссальный дефицит продуктов питания, не имели предметов первой необходимости, часто размещались в малопригодных для жилья условиях.

Источники

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1: Приказы, выписки из административных распоряжений германских властей.
2. ГАВт. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 2: Приказы начальника Лепельского района по основной деятельности и личному составу, ведомости на выплату заработной платы и списки работников районной управы и подведомственных учреждений за февраль – апрель, июнь – сентябрь 1942 г., денежного пособия семьям, члены которых уехали на работу в Германию, за январь – март 1943 г.
3. ГАВт. – Фонд 2086. – Оп. 1. – Д. 9: Отношения начальника районного управления бургомистру волости и списки граждан волости.
4. ГАВт. – Фонд 2086. – Оп. 1. – Д. 2: Списки беженцев, проживающих на территории Москаленянской волости.
5. Государственный архив Минской области (далее – ГАМн). – Фонд 1613. – Оп. 1. – Д. 2: Постановления полевой комендатуры, отчеты о работе райуправления, списки и др.
6. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБр). – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 35: Сведения о вывезенных немецкими оккупационными властями советских гражданах из восточных областей, проживающих в г. Лунинце по состоянию на 16 марта 1944.
7. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМог). – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 45: Отчеты о работе отделов Могилевского горуправления.
8. ГАВт. – Фонд 2074. – Оп. 1. – Д. 38: Документы о работе отдела (переписка, справки, заявления и др.) за 1941 г. Приказ начальника г. Орши о порядке проведения эвакуации населения г. Орши от 9.12.1943 г.
9. ГАВт. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 37: Сведения и списки о количестве сгоревших и разрушенных при бомбометании домов, ведомости на выплату заработной платы работникам жилищного отдела за июль – декабрь, список квартиросъемщиков за май – август 1943 г. и др.
10. ГАМог. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 26: Переписка с Управлением службы порядка по вопросам отбытия гражданами принудительных работ.
11. ГАМог. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 1: Приказы по Могилевскому районному управлению.
12. ГАБр. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 8: Переписка с Лунинецкой районной управой и сельскими старостами о вывозе из Лунинецкой волости населения немецкого происхождения в г. Лунинец с целью отправки в Германию.
13. ГАВт. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 2: Приказы, распоряжения и указания Полоцкой райуправы.
14. ГАМог. – Фонд 858. – Оп. 33. – Д. 89: Приказы по Бобруйской городской управе, отчеты о работе санитарно-эпидемического отряда и административно-хозяйственная переписка городской управы.

15. ГАБр. – Фонд 203. – Оп. 1. – Д. 1: Программа Центра Союза Русских националистов, обращение русских националистов к русскому народу и партизанам, воззвание Русского комитета взаимопомощи к населению Бреста, платежные ведомости, счета и кассовая книга, военные сводки немецкого командования.

16. ГАБр. – Фонд 199. – Оп. 1. – Д. 10: Переписка отдельных лиц (эвакуированных) по вопросу оказания материальной помощи.

17. ГАМог. – Фонд 858. – Оп. 3. – Д. 1: Административная переписка городского управления с местной комендатурой и отделом социального обеспечения.

18. ГАМог. – Фонд 305. – Оп. 1. – Д. 16: Договоры граждан Шклова на покупку и продажу лошадей.

19. ГАМн. – Фонд 1566. – Оп. 1. Д. 6: Переписка с Клецкой районной управой о доставке на бойню скота, назначении на работу и др.

20. ГАМн. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 4: Приказы и распоряжения Койдановской поветовой управы.

21. ГАМог. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 30: Отчет о работе жилотдела, тюрьмы, штаба охраны и других учреждений Бобруйска и административная переписка по городскому управлению.

22. ГАБр. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 36: Письма комитета Самопомощи в Лунинце к Лунинецкому волостному правлению с просьбой оказания помощи в похоронах умерших советских граждан, вывезенных оккупационными властями из восточных областей.

23. ГАВт. – Фонд 2073. – Оп. 5. – Д. 4: Материалы о погребении граждан за 1943 г.

24. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 659. – Оп. 1. – Д. 1: Переписка с Дятловским магистратом по хозяйственным вопросам.

25. ГАМн. – Фонд 1604. – Оп. 2. – Д. 3: Приказы и распоряжения Окружного управления Осиповичского округа и комендатуры Глусского района. Административная переписка и др.

Ю. Л. ГРУЗИЦКИЙ (Минск)

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ НА ЗАХВАЧЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР (1941–1944 гг.)

В войне, развязанной фашистской Германией против СССР, нацистское руководство планировало обеспечить свою страну и армию всеми необходимыми ресурсами не только путем неприкрытого грабежа захваченных территорий, но также с помощью различных финансовых механизмов и мероприятий. В директиве Г. Геринга по руководству экономикой в оккупированных восточных областях, известной как «Зеленая папка», имелся раздел «Финансы и кредитное хозяйство», в котором оговаривались важнейшие принципы денежно-кредитной политики на захваченных советских землях. Ставилась задача максимально использовать денежно-кредитный механизм для экономической эксплуатации оккупированных республик и областей СССР. «Деньги не должны быть лишены своего прямого назначения, поэтому нецелесообразно их конфисковывать», – отмечалось в документе. «Государственные банки и другие финансовые учреждения, которые располагают значительными денежными средствами, должны быть немедленно взяты под контроль», – гласила директива нацистского руководства [1, с. 388–389]. Сохранение товарно-